

УДК 100.69

В.А. Конев*

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ VERSUS ПРОСТОТА

Индивидуальность трактуется как особый род бытия, познание которого не согласуется с принципом простоты, предъявляемым к теоретическому знанию.

Ключевые слова: онтология, бытие, индивидуальность, познание, принцип простоты.

Любой школьник на уроках физики может поставить опыт, чтобы убедиться в правильности той или иной научной гипотезы. Но человек, проживающий одну-единственную жизнь, лишен возможности проверить гипотезу опытным путем, и ему не дано узнать, должен был он или не должен был подчиниться своему чувству.

Милан Кундера.

Невыносимая легкость бытия

И действительно, всякое научное знание, дорога к которому подчас бывает такой сложной и трудной, само являет собой ясность и простоту. Принцип Оккама – «Non sunt entia multiplicanda praeter necessitatem» = «Не нужно множить сущности без необходимости» – стал руководящим принципом действия научного разума, который должен стремиться к самому простому и единственному обоснованию своих положений, в отличие от обыденного сознания, которое всегда оперирует множеством «неотразимых» аргументов и апеллирует к очевидности (что видят очи) разнообразия. Наука же с самого начала провозгласила свою приверженность теоретической (др.-гр. theoeo – смотреть, видеть, созерцать) очевидности, которая доступна умозрению, что можно выразить словом, более того, понятием. Научное мышление, отмечал Гегель, «ищет незыблемого, пребывающего, в себе определенного и властвующего над особенным», оно «верит в существование порядка, в простое, постоянное и всеобщее определение» [1, с. 118, 117].

Сведение к всеобщему определению многообразия конкретного мира упрощает мир, дает человеку возможность ориентироваться в хорошо обозримом круге сущностей, но, переставая множить сущности, он оказывается не в реальном, а в виртуаль-

---

* © Конев В.А., 2010

Конев Владимир Александрович (vakonev37@mail.ru), кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, 443011, Россия, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

ном мире. Мир необходимых сущностей реализует завет Парменида о тождестве мысли и бытия, так как здесь «все действительное разумно, и все разумное действительно», а свобода становится разновидностью необходимости. Но такая простота оказывается хуже воровства, так как человека лишают его самых жизненных способностей — виртуальный мир сущностей требует *non ridere, non lugere, neque detestari, sed intelligere* (не смеяться, не плакать, не ненавидеть, а понимать). Простота сущности сбрасывает с вещей и ситуаций все отличающее их друг от друга, считая это не существенным для их существования, внешним явлением по отношению к сущности¹. Сущность как «внутреннее» вещей потому и может стать достоянием разума, что последний есть тоже «внутреннее» мира человека, его способности могут выделить в вещах только то, на что он способен (Кант²), или и в разуме и в вещах действует одна и та же логика идеи (Гегель).

Виртуальный мир сущностей стал основанием реального мира европейской правопорядко-технической цивилизации. Правопорядок гражданской жизни, утвердившийся в европейских государствах нового времени, стал возможен благодаря уяснению *необходимости* общественного договора, выражающего *общественную сущность* человеческого существования. А утверждение техногенной цивилизации в Европе стало возможным, так как техника есть осуществление *истины*, есть «по-ставление» человека перед ее наличностью³. Техника поставила человека в мир осуществленной истины, которая утверждает необходимость и простоту. И гражданский порядок правового государства и техническое обустройство жизни, несмотря на все противоречия того и другого, дали миру и человеку благополучие и благосостояние. Но их же собственное развитие показало и ограниченность тех оснований, на которых они базировались. Уже Кант показал, что разум, ориентированный на необходимость и всеобщность, не способен постигнуть вещь в ее собственном существовании. Вещь сама по себе, вещь во всей своей конкретности находится за пределами возможности теоретического разума, а практическим разумом принуждается к всеобщему порядку. Не сумел получить доступ к самой вещи и Эдмунд Гуссерль, показав, что вся традиция европейского научного мышления, начиная с Галилея, заменила единственно реальный, данный в опыте мир, где «живем мы сами соразмерно способу бытия нашего живого тела и нашей личности», миром идеальных сущностей, что и стало основанием математизации науки [4, с. 78].

Человек действительно живет не среди общего и необходимого, а среди конкретного и случайного, в среде постоянно случающегося. Вот жизнь героя романа Кундеры «Невыносимая легкость бытия» Томаша и его возлюбленной. Потребовалось шесть случайностей, чтобы они подтолкнули Томаша к Терезе: «Семь лет назад в больнице

---

¹ «Когда мы говорим о явлении, — пишет Гегель, — мы связываем с ним представление о *неопределенном многообразии* существующих вещей, бытие которых есть *всецело лишь опосредованное* и которые, следовательно, *не имеют своего основания в самих себе*, но имеют силу лишь как моменты» [1, с. 295. Курсив мой. — В.К.].

² «Основной вопрос состоит в том, — писал Кант в Предисловии к первому изданию «Критики чистого разума», — *что и насколько может быть познано рассудком и разумом независимо от всякого опыта*» [2, с. 78].

³ См.: Хайдеггер «Вопрос о технике»: «Техника не просто средство. Техника — вид раскрытия потаенности... Это область выведения из потаенности, осуществления истины». «Существо современной техники являет себя в том, что мы называем по-ставом... Существо современной техники ставит человека на путь такого раскрытия потаенности, благодаря которому действительность повсюду, более или менее явно, делается состоящей-в-наличии» [3, с. 225, 231].

Терезино городского *случайно* было обнаружено тяжелое заболевание мозга, ради которого для срочной консультации был приглашен главный врач клиники, где работал Томаш. Но у главврача *случайно* оказался ишиас, он не мог двигаться и вместо себя послал в провинциальную больницу Томаша. В городе было пять гостиниц, но Томаш *случайно* напал именно на ту, где работала Тереза. *Случайно* до отхода поезда у него оставалось немного свободного времени, чтобы посидеть в ресторане. *Случайно* была Терезина смена, и она *случайно* обслуживала стол, за которым сидел он». И эти случайности определили жизнь двух людей, именно по такому типу случается жизнь всякого человека. Да и не только человека, а реальное существование любого организма в живой природе и любой вещи в мире природы неживой.

Всякое сущее объявляет себя в той ситуации, в какой оно оказалось, и это *объявление* становится основанием его бытия. Объявление себя есть онтологически отнесение к окружению, в котором рождается необходимость данного существования. Здесь важно, что объявление исходит от *этого* сущего, оно *теперь* есть, а, следовательно, будут теперь происходить такие-то и такие-то процессы с учетом этого сущего.

Таким образом, исходной, первичной причиной становится нечто, что должно быть понято как начало, как «привлечение» внимания (?) к себе (не случайно И. Пригожин вводит термин аттрактор — от лат. *attraho*, -ere — тянуть к себе, тащить, привлекать). В конце концов, всякое сущее несет в себе какую-то долю, некий зародыш аттрактора, о котором говорит синергетика как о сущем существенно влияющем на изменение окружения и его законов. Вот эта аттрактивность (аттракционность?) сущего и делает его не просто сущим, а *этим* сущим, обладающим *haecceitas*, принципом единичности, о котором писал Дунс Скот, дающим сущему однозначность (по-латыни — *univocatio* — уникальный призыв, зов, воззвание).

Быть конкретным — это способ бытия всякого сущего, которое через отнесение к окружению устанавливается как бытийствующее. Конкретность, *этость*, определенность, однозначность, *вот-это*, в конечном счете, индивидуальность бытия характеризуют интенсивность бытия сущего, степень его укоренения в бытии. Такое сущее, которое, заявляя о своем собственном бытии, укореняется в бытии как *этость*, как индивидуальность, не может определяться по модели определения сущности (как понятие — через род и видовые отличия, которые фиксируют общее, а как действительность — через проявление общих свойств).

Уже первый шаг теоретического постижения индивидуальности как *этого* бытия (как *этости*) входит в противоречие с требованием Оккамы. Для теоретического знания важно различие универсального (общего) и конкретного, единичного. Можно ли провести такое различие между индивидуальностью (*этостью*) как таковой, как универсальной характеристикой всякого *этого* бытия и *этостью этого* сущего? Является ли индивидуальность (*этость*) универсальностью или она только индивидуальность (*этость этого*)? Поскольку мы пользуемся словами *индивидуальность*, *этость* как общими словами, постольку они должны обладать неким общим значением, постольку мы в нашем рассуждении стремимся представить *индивидуальность (этость)* как характеристику бытия, постольку *индивидуальность (этость)* приобретает статус онтологической категории. Как может быть определена индивидуальность (*этость*) как категория? Любая философская категория определяется через категориальную схему и может быть продемонстрирована на каком-то примере: качество есть определенность бытия, тождественная бытию, пример качества — красное. Можно дать такое категориальное определение индивидуальности: индивидуальность есть самоопределенность бытия. Но, приводя пример, нельзя просто «указать» на Это сущее, т. к. потребуются разъяснение, а почему Это сущее есть индивидуальность? Потребуется «сказать» пример, но тогда это и будет определение индивидуальности, так как будет продемонстрировано, как Это стало *этим*. Получается, что индивидуальность

как универсальность и индивидуальность, как Это сущее совпадают, так происходит удвоение сущности. А в случае других категорий такого совпадения нет (качество и красное). Значит, определение (знание) индивидуальности всегда будет разное, т. к. каждый раз это другая индивидуальность. Нет простого знания индивидуальности. Сложность индивидуальности заключается в ее множественности, многообразии, и каждая индивидуальность требует своего знания, которое не будет универсальным.

Достижение простоты научного знания немислимо без реализации в познании законов классической логики. Но при определении (описании) индивидуальности возникают логические парадоксы, что особенно очевидно, когда индивидуальность (абсолютная определенность некоего сущего) предстает как «это Я». «Я» по своей онтологической сущности есть индивидуальность *sensu stricto*. С.Н. Булгаков, рассматривая выражение «Я есть X», показывает, что это выражение требует, чтобы сам предикат X обладал некой «яйностью», но вместе с тем он (предикат) должен и отличаться от Я (субъекта), быть *другим* в отношении к Я, т. е. быть *не-Я*. Таким образом, утверждает русский философ, сказуемость основана на нарушении обоих основных логических законов – и закона тождества, и закона противоречия. Ибо она свидетельствует, что Я есть *не-Я* и вместе с тем Я, сразу и одновременно. Если бы Я просто только *повторялось*, Я есть Я, есть Я, есть Я... – это был бы бег белки в колесе, и напротив, совершенно перешедшее в *не-Я* и погруженное в него Я утратило бы силу и остроту жизни [5]. Таким образом, при определении индивидуальности нарушается обычная логика, но именно в этом нарушении и обнаруживается ее жизненная (бытийная) сила. Индивидуальность «сказывается» в окружении, обращаясь к нему, но не отождествляется с ним. Индивидуальность тождественна себе, хотя и всегда готова к изменению (Сартр – к смене проекта).

Индивидуальность (этость бытия) уходит от возможности ее определения по классической формуле потому, что она *уже* является определенным бытием, она определена сама в себе. И эта определенность есть результат активности самого конкретного бытия. Определение в этом случае происходит по принципу действующей причины, а действующая причина ориентирует данное сущее на окружение и на стремление его это окружение организовать «под себя», в конце концов – утвердить себя как отличающееся от окружения. Поэтому действующая причина – это утверждение бытия как отличного, утверждение самого различия. Определенность индивидуальности утверждается в пространстве Дантовых координат, в апофатическом пространстве, в акте отрицания [6, 7]. А как говорили древние «Negantis probatio nulla est» – «Тому, кто отрицает, не нужно доказательств». Но если не нужно доказательств, то и нет возможности воспользоваться доказательствами при выяснении оснований утверждения данного индивидуального бытия. Так индивидуальность лишает теоретическое видения ясности и простоты: индивидуальность уходит от объяснения через отсылание к общему. Индивидуальность, будучи определенной, не имеет определения, а определяет-СЯ. Она всегда существует в перформативном акте [8].

Но тогда определение индивидуальности (индивидуального), а вместе с тем и ее познание (узнавание) есть «поиск» ее имени, есть именование, давание собственного имени. Имя Бога есть Бог, утверждали имяславцы. Имя *Этого* есть *Это*. И в этом вся сложность индивидуальности – она бежит от общего имени! Недоступна ему, но жаждет своего собственного имени. Собственное имя, с одной стороны, как имя, как слово это пустое имя. У него нет денотата, или его денотат есть само именование, само имя, потому оно *собственное* имя. Оно само себя обозначает. С другой стороны, это самое содержательное имя, так как, когда оно *что-то* имя, то у него всегда есть только один денотат, а чем меньше объем понятия, тем больше его содержание (все-таки действует логика и в связи с индивидуальностью!).

Так индивидуальность противостоит простоте знания.

Лев Шестов писал: «Логический “глаз” создает иллюзию твердых, прозрачных понятий, подобно тому как и физический глаз создал иллюзию твердого хрустального купола над нами. Общее и необходимое есть небытие *par excellence*. Только постигнув это, философия искупит грех Адама и придет к *ρίζωματα παντων*, к корням жизни, к тому *τιμιωτατοτ*, тому важнейшему, о котором столько тысячелетий грезят люди» [9, с. 312]. Вот еще в 1919 году из уст русского философа прозвучало – нет единого основания у жизненного бытия, его основание – ризома, сложное переплетение причин и следствий, в котором нет исходной точки.

Поэтому прав был Серен Кьеркегор, когда утверждал, что «по отношению к экзистенциальным понятиям желание избежать определенных свидетельствует о такте» [10, с. 28]. Так что познание индивидуальности как особого бытия требует не только усилий разума, но и такта.

Библиографический список

1. Гегель Г.-В. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974.
2. Кант И. Собр. соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3.
3. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004.
5. Адо П. Философия как тринитарная ересь (по поводу книги Сергея Булгакова «Трагедия философии») // Вопросы философии. 2009. № 7.
6. Конев В.А. Дантовы координаты (проблема определения ценностного бытия) // Конев В.А. Онтология культуры (Избранные работы). Самара: Изд-во «Самарский университет», 1998.
7. Конев В.А. Онтологические особенности мира человека. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003.
8. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2.
9. Шестов Лев. Власть ключей // Шестов Л. Соч.: в 2 т. М.: Наука. 1993. Т. 1.
10. Цит. по: Шестов Лев. Киргегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М.: Прогресс; Гнозис. 1992.

V.A. Konev*

INDIVIDUALITY VERSUS SIMPLICITY

Individuality is treated as a special kind of being, knowledge of which is not consistent with the principle of simplicity which presented for theoretical knowledge.

Key words: ontology, being, personality, individuality, cognition, the principle of simplicity.

---

* Konev Vladimir Alexandrovich (vakonev37@mail.ru), the Dept. of Philosophy of the Humanities, Samara State University, Samara, 443011, Russia.